

На правах рукописи

Матвиенко Яна Юрьевна

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ
ЛЕГИТИМАЦИИ СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

23 00 02 – политические институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии
(юридические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Ростов–на–Дону – 2008

Работа выполнена в Федеральном государственном образовательном
учреждении высшего профессионального образования
«Ростовский юридический институт МВД России»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Верещагин Виктор Юрьевич

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор
Працко Геннадий Святославович,
доктор философских наук, профессор
Коновалов Валерий Николаевич

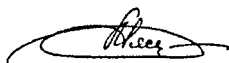
Ведущая организация: Федеральное государственное образовательное
учреждение высшего профессионального обра-
зования «Таганрогский государственный педа-
гогический институт»

Защита состоится 24 июня 2008 года в 11 30 часов на заседании дис-
сертационного совета Д 203.011.01 по юридическим наукам при ФГОУ
ВПО РЮИ МВД России по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Марша-
ла Еременко, 83, ауд. 502.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГОУ ВПО РЮИ
МВД России.

Автореферат разослан 23 мая 2008 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Мясников А.П.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В настоящее время Россия вновь оказалась перед необходимостью коренной модернизации национальной государственности. Если в конце прошлого века такая процедура была обусловлена распадом Советского Союза и поиском новых форм политико-правовой организации общественного бытия, то сейчас речь идет о сознательном и свободном выборе стратегического курса государственно-правового развития на десятилетия вперед.

Решительные действия президентской команды по нейтрализации прямых угроз территориальной целостности страны вкупе с благоприятной экономической конъюнктурой на мировых рынках энергоносителей сформировали предпосылки для политической и социально-экономической стабилизации. Правящему классу и гражданскому обществу России в первом десятилетии XXI века во многом удалось освободиться от идеологических мифов перестроечной эпохи, идеализировавших западный образ жизни и максимы либерализма на фоне нигилизма по отношению ко всему национальному и самобытному. Политика американских и западноевропейских «двойных стандартов» в интерпретации легитимности/нелегитимности выборов на постсоветском пространстве и определении степени соответствия/несоответствия тех или иных государственно-правовых конструктов западным представлениям о демократии поставила на повестку дня новые для отечественной юридической науки вопросы. Ключевыми среди них, безусловно, являются трансформация международно-правового порядка в рамках складывающегося постмодернистского общества, политико-правовые механизмы обеспечения государственного суверенитета в условиях глобализации и космополитического права (права прав человека), феномены «цветных революций» и «экспорта демократии», возможность существования нелиберальных, непроцедурных форм народовластия

Обозначенные выше процессы привели к своеобразной операционализации и инструментализации политико-правового дискурса в современ-

ной России. Востребованными оказались те проекты, которые предлагали конкретные рецепты решения насущных задач внутренней и внешней политики страны в новых цивилизационных реалиях. Одним из таких стала концепция суверенной демократии, введенная в широкий оборот заместителем руководителя Администрации Президента В. Сурковым в 2005–2006 гг. и сыгравшая роль одной из главных идеологем российских парламентских и президентских выборов в 2007–2008 гг.

Несмотря на то, что практически все ведущие отечественные политики и эксперты уже выразили свою точку зрения относительно данного политико-правового конструкта, его содержание до сих пор остается предметом острой полемики, оставляет широкое поле для различных интерпретаций: стратегический проект модернизации российской государственности в XXI веке, предвыборный PR-ход «партии власти», новое название для «управляемой демократии», способ легитимации авторитарных тенденций во внутренней политике, модификация универсальных принципов демократии с учетом национальной и исторической специфики, алгоритм противодействия «цветным революциям» и др.

Все вышеизложенное убедительно свидетельствует об актуальности изучения российской модели суверенной демократии. То значение, которое придается этой концепции руководством страны, требует от российского академического сообщества и, прежде всего, юристов осмысления его политико-правовой природы, проработки альтернативных моделей его институционально-правовой легитимации в современных условиях.

Степень научной разработанности проблемы. Концепция суверенной демократии находится в фокусе внимания отечественных и зарубежных экспертов, политиков, журналистов, ученых. В последнее время на смену откровенно пропагандистским, причем как апологетическим, так и, напротив, остро полемическим работам все чаще приходят более взвешенные публикации. Их авторы пытаются, с одной стороны, разобраться в том предметном поле, отражением которого стало появление идеологемы суверенной демократии, а с другой – критически оценить тот теоретико-

методологический и политико-правовой фундамент, на который она сама опирается.

Первоначально большой вклад в разработку концепции «суверенная демократия» в ее российской модификации внесли такие авторы, как Д. Булин, Н. Гараджа, С. Марков, А. Мигранян, В. Никонов, Д. Орлов, Г. Павловский, Л. Поляков, М. Соколов, В. Третьяков, М. Фадеев, А. Филиппов, В. Холмогоров, С. Чернышев, А. Чадаев и др., большинство из которых работает в рамках проекта так называемого национал-либерализма (консервативного либерализма). Значительный объем научно-исследовательской, редакционно-издательской и популяризаторской работы в этом направлении был проведен Фондом эффективной политики (ФЭП), медиахолдингом «Эксперт», Институтом общественного проектирования, издательством «Европа», которые способствовали организации широкой дискуссии вокруг суверенной демократии в формате гражданского общества.

Параллельно в поддержку суверенной демократии выступили ведущие российские политики и государственные деятели, в частности, вице-премьер Правительства РФ С. Иванов, спикер Государственной думы РФ Б. Грызлов, председатель Конституционного суда РФ В. Зорькин, мэр Москвы Ю. Лужков, лидер ЛДПР В. Жириновский, глава ЦИК РФ В. Чуров, президент Татарстана М. Шаймиев и многие другие. Эта концепция была взята за основу разработки идеологической платформы партии «Единая Россия» и в этом качестве поддержана Президентом России В. Путиным.

Напротив, с острой критикой суверенной демократии, основанной на формально-правовой аргументации под лозунгами «демократия – это и есть суверенитет» и «демократия без прилагательных» выступили в основном прозападные либеральные эксперты и политики, ориентированные на глобалистскую трактовку основных государственно-правовых институтов, в частности, Е. Альбац, М. Барщевский, М. Горбачев, М. Касьянов, Ю. Латынина, М. Липман, Ф. Лукьянов, Б. Немцов, Э. Паин, А. Пионтковский, Л. Радзиховский, В. Рыжков, А. Стреляный и др. Близкую им негативную оценку самобытного российского варианта построения суверен-

ной демократии высказали американские и европейские авторы А. Аслунд, Э Качинс, И Крастев, С Мендельсон, С Сестанович, Д Фрид, Ф. Хилл и др

На следующем этапе к дискуссии вокруг суверенной демократии подключились представители так называемого «консервативно-революционного», нелиберального крыла российских патриотов, которые попытались реинтерпретировать рассматриваемую концепцию в рамках имперской политико-правовой парадигмы и неоевразийства. В этом контексте следует упомянуть публикации и выступления таких авторов, как Г Гавриш, А. Дугин, П. Зарифуллин, В. Карпец, М. Леонтьев, М. Мошкин, Н Нарочницкая, отец Тихон (Шевкунов), А Проханов, Д Rogozin и др

Одной из первых серьезных попыток дать теоретическое обоснование российской модификации суверенной демократии можно считать издание в 2006 году программного сборника статей «Суверенитет», а также антологии «Концепции и определения демократии», фокусирующей внимание на идее американского исследователя Ф Закарии о существовании так называемых нелиберальных (непроцедурных) демократий¹. В 2007 году вышло в свет еще одно аналогичное издание – «Pro суверенную демократию». Рассмотрению юридической природы данного феномена посвящена книга «Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении», куда вошли работы ведущих отечественных ученых-юристов и политологов (С. Авакьян, С Заславский, В Зорькин, Л. Мамут, В. Чуров и др)²

В Интернете открыт и активно функционирует целый ряд сайтов, целиком посвященных анализу и дальнейшей разработке доктрины суверенной демократии – «Сувдем» (<http://www.suvdem.ru/>), «Манифест суверенной демократии» (<http://www.suverenitet.ru/>) и др

Большое значение для осмысления суверенной демократии имеет политико-правовое наследие таких российских и зарубежных авторов, как

¹ Суверенитет М, 2006, Концепции и определения демократии Антология М, 2006

² PRO суверенную демократию М, 2007, Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении М, 2007.

Н Алексеев, Ф Гизо, И Ильин, Ф. Лист, Г. Моргентау, А Мюллер Ван ден Брук, Ф. Теннис, Л Тихомиров, А Токвиль, К Шмитт, О Шпенглер, Й Шумперт, Э и Ф. Юнгеры и др , а также новейшие гуманитарные разработки в области парадигмальных исследований, авторы которых анализируют трансформацию государственно-правовых явлений и институтов в условиях глобализации и постмодерна (Ж Бодриар, И. Валлерстайн, Д Гольдблатт, Ж Делез, А Дугин, Э. Макгрю, А Негри, А. Панарин, К Поппер, Ф Фукуяма, С Хантингтон, М Хардт и др).

Вместе с тем, несмотря на обилие публикаций по рассматриваемой теме, институционально-правовое измерение суверенной демократии и анализ альтернативных моделей ее легитимации до сих пор не становились предметом самостоятельного исследования, что делает актуальным обращение диссертанта именно к этой проблеме

Объектом диссертационного исследования является либерально-демократическая трансформация современной российской государственности.

Предмет диссертационного исследования составляют институционально-правовые формы легитимации суверенной демократии в условиях модернизации российской государственности

Цель и задачи исследования Целью диссертационного исследования является политико-правовой анализ концепции суверенной демократии и специфических моделей ее институционально-правовой легитимации в современной России.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач.

- проследить политико-правовой генезис идеи суверенной демократии в современной России;
- выявить различные интерпретации суверенной демократии, определить ее институциональную структуру и особенности юридической природы,
- обосновать политико-правовой механизм построения суверенной демократии в контексте учения о диктатуре;

- систематизировать основные институционально-правовые модели легитимации суверенной демократии в современной России,
- критически оценить принципиальную возможность реализации суверенной демократии на основе импорта соответствующих политико-правовых процедур и технологий

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем

- выявлена специфика политико-правового генезиса конструкта «суверенная демократия» в современной России;
- раскрыто содержание понятия «суверенная демократия» применительно к различным политико-правовым и историко-культурным контекстам, показан механизм его юридической ресемантизации при переходе от формально-правовой к постмодернистской парадигме,
- охарактеризована российская политико-правовая модификация институтов суверенной демократии, адаптированная к национальной специфике и отражающая новейшие тенденции развития международно-правовых отношений,
- аргументировано, что наиболее эффективным механизмом реализации суверенной демократии является юридический институт «комиссарской диктатуры»;
- критически оценен наиболее востребованный российской политической элитой государственно-правовой проект легитимации суверенной демократии в форме построения государства независимой российской нации на основе общественного договора,
- представлена специфика альтернативного сценария институционально-правовой легитимации суверенной демократии, предполагающего трансформацию современной российской государственности в «телеологическую империю»,
- обосновано положение, что на современном этапе развития международных отношений модернизация российских политико-правовых институтов в соответствии с концепцией «импорта демократии» ведет к ус-

тановлению внешнего управления страной и утрате ею реального суверенитета

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Появление в российском политико-правовом дискурсе конструкта «суверенная демократия» связано с запросом политической элиты на операционализацию и инструментализацию существующих государственно-правовых концепций, их приведение в соответствие с укрепляющимся военно-стратегическим, социально-экономическим и информационным потенциалом страны. Данный политико-правовой конструкт имеет четкую формально-правовую структуру, однако лишен собственной политико-правовой онтологии, что делает концепцию суверенной демократии открытой для идеологической интерпретации со стороны ведущих модернизационных проектов современной российской государственности (национал-либерализм, неоевразийство, глобализм), которые выдвигают альтернативные модели ее институционально-правовой легитимации

2 Собственно политико-правовое содержание понятия «суверенная демократия» варьируется в зависимости от конкретного теоретико-методологического контекста, позволяющего отождествлять, противопоставлять или взаимоуточнять формально образующие его категориальные формы – суверенитет и демократию. Российская политико-правовая модификация суверенной демократии представляет собой стратегию построения независимого от манипулятивного воздействия со стороны внешних сил демократического государства, адаптированного к национальной специфике и способного адекватно противостоять угрозам новейших тенденций развития международно-правовых отношений (кризис национальной государственности, процессы глобализации и регионализации, формирование космополитического права, международно-правовые лимитации государственного суверенитета и др.)

3. В российских условиях полноценная реализация принципов суверенной демократии предполагает обращение к институту «комиссарской диктатуры», детально разработанному немецким юристом К. Шмиттом на основе анализа норм римского публичного права, а также их прямых и ла-

тентных рецептов современными правовыми системами «Диктатор» (индивидуальный или коллективный) в условиях «чрезвычайного положения» на основе конституционных норм либо прямого народного волеизъявления (референдум, плебисцит) на определенный срок наделяется широкими политико-правовыми полномочиями, которые использует для наиболее эффективной реализации актуального государственно-правового проекта либо достижения иной политической цели (вывод страны из кризиса, восстановление территориальной целостности, отражение внешней угрозы, подавление внутреннего мятежа и т д)

4 Реализуемый в настоящее время российский национал-либеральный сценарий институционально-правовой легитимации суверенной демократии предполагает продолжение «плана Путина» («комиссии», в терминологии К. Шмитта) посредством сохранения у власти «команды Путина» – его самого, преемника, партии «Единая Россия» («комиссарская диктатура»), что легитимировано всенародным плебисцитом в ходе последних парламентских и президентских выборов. Формирование на основе «общественного договора» между гражданским обществом и государством независимой российской нации (государства-нации) с развитой системой процедурной демократии декларируется в качестве конечной цели, достижение которой будет определять юридическую телеологию и временные рамки существования «комиссарской диктатуры».

5 Альтернативная модель институционально-правовой легитимации суверенной демократии, генетически связанная с антилиберальным направлением в отечественной политико-правовой мысли, предусматривает превращение современной российской государственности в ядро нового интеграционного образования, «большого пространства», государства-цивилизации, что в условиях глобализации дает возможность сохранения реального суверенитета, при этом предпочтительными являются не процедурные, а органические формы демократии, а также их комбинации. При этом телеология учреждаемой «комиссарской диктатуры» обусловлена не только направлениями государственно-правового строительства, но и постановкой геополитических или даже эсхатологических целей, что,

в частности, постулируется православным учением об «империи-катехоне» и его секуляризованными версиями.

6. Глобалистская (космополитическая) интерпретация суверенной демократии в русле англо-саксонской политико-правовой традиции отождествляет оба элемента данного юридического конструкта между собой и настаивает на неизбежности экспорта универсальных демократических процедур в страны с так называемыми транзитивными государственно-правовыми системами, к числу которых причисляется и Россия. Трансграничное распространение политико-правового режима демократии и сопутствующая этому процессу десуверенизация национальных государств объявляются главными средствами достижения глобальной безопасности и отражают объективную тенденцию к новому мировому правопорядку и росту взаимозависимости между странами.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования. При работе над диссертацией автором использовался разнообразный методологический инструментарий, сочетающий общенаучные методы познания (диалектический, парадигматический, исторический, моделирования, системного анализа и др.) с широким спектром теоретико-методологических подходов, характерных для отраслевых политико-правовых дисциплин (формально-правовой, ценностно-функциональный, герменевтический, компаративистский, институционально-правовой и др.) В целом диссертант старался следовать междисциплинарным алгоритмам решения исследовательских задач, работая в рамках постмодернистской парадигмы

Научно-практическая значимость исследования. Выводы, сделанные диссертантом, могут быть использованы при исследовании проблемных тем, касающихся государственного строительства в условиях перехода от политико-правовой парадигмы модерна к постмодерну, сопровождающегося не только появлением новых геополитических и государственно-правовых концепций, но и масштабной ревизией теоретико-методологических оснований современной юридической науки, ресемантизацией ее базового понятийно-категориального аппарата. Отдельные

разделы диссертационного исследования можно использовать для чтения лекций и проведения семинарских занятий по актуальным проблемам современной теории права и государства, политологии, по отраслевым юридическим дисциплинам.

Апробация работы. Результаты исследования докладывались на научно-теоретических конференциях различного уровня, использовались автором в процессе чтения лекций и проведения семинарских занятий. Основные выводы работы отражены в четырех публикациях, в том числе в журнале из перечня, рекомендованного ВАК Минобрнауки России. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры государственно-правовых и политико-философских дисциплин Ростовского юридического института МВД России

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, оценивается степень ее научной разработанности, определяются цели и задачи, рассматривается методологическая основа, формулируются положения, выносимые на защиту, отмечаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования, приводятся сведения об апробации его результатов

В первой главе **«Суверенная демократия как политико-правовой проект модернизации российской государственности: теоретико-методологический и политико-правовой анализ»** диссертант концептуализирует широкий круг общетеоретических вопросов, критически важных для адекватного понимания отечественной модификации суверенной демократии, ее юридической природы и механизмов институционально-правовой легитимации.

Первый параграф **«Генезис идеи суверенной демократии в современной российской политико-правовой традиции»** посвящен контекстуализации данного феномена применительно к российским политико-идеологическим и государственно-правовым реалиям начала XXI века

Конструкт «суверенная демократия», по мнению многих экспертов, крайне неоднозначный и полемичный – вошел в отечественный политико-правовой лексикон во время второго срока пребывания В. Путина у власти. По общему мнению, авторство идеи принадлежит заместителю руководителя Администрации Президента России В. Суркову, который сформулировал ее контуры в 2005–2006 гг. в ряде выступлений перед активом прокремлевских молодежных движений и партии «Единая Россия». В систематизированном виде она была впервые изложена в его программной статье «Национализация будущего», где определяется как «образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального

благополучия, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими»³.

Вместе с тем диссертант отмечает, что несмотря на некоторое понятийно-категориальное новаторство, В. Сурков лишь теоретически оформил и развил тот государственный вектор, который ранее задал президент. Решение первоочередных, неотложных задач в течение первого срока его президентства (разгром банд на Северном Кавказе и ликвидация других очагов сепаратизма, выстраивание вертикали власти и унификация государственно-правового пространства, контроль естественных монополий и др.) позволило сформировать необходимый военно-стратегический, социально-экономический и информационный потенциал для начала действительно системных преобразований в стране. К 2005 году в сугубо практической, а не абстрактно-теоретической плоскости на повестку дня был вынесен вопрос о том, каким должен быть проект модернизации российской государственности в современных условиях.

Российская политическая элита требовала преемственности прежнему курсу, т.е. продолжения либерально-демократических преобразований, широкие массы россиян надеялись на возрождение величия России, укрепление ее национального суверенитета и державности. Параллельно с этим на международной арене, в первую очередь, со стороны ведущих стран Запада начало расти недовольство укреплением национально-государственных позиций России. Череда «цветных революций» на постсоветском пространстве обозначила абсолютно новые, нетрадиционные угрозы суверенитету и независимости России, поэтому новая модернизационная политико-правовая идеология должна была быть пригодной не только для политического пиара и академических дискуссий, но, прежде всего, выступать в качестве оперативного государственно-правового инструмента решения всех вышеуказанных проблем. Именно в таком политико-идеологическом и функциональном контексте, по мнению автора, впервые и была сформулирована идея суверенной демократии, которая

³ Сурков В. Ю. Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию // Эксперт 2006 № 43

концептуализировала те государственно-правовые меры и политическую стратегию, которые реализовал российский Президент, взяв курс на сохранение в стране основных демократических институтов, но наделив их самобытным державно-патриотическим содержанием и поставив на службу национальным интересам и государственному суверенитету.

Вместе с тем, аргументирует диссертант, суверенная демократия оказалась лишена собственной политико-правовой онтологии. С одной стороны, многозначность образующих ее базовых понятий – суверенитет и демократия – в различных контекстах позволила конкурирующим идеологическим центрам современной России (национал-либерализм, неоевразийство, глобализм/космополитизм) выдвинуть альтернативные трактовки новой государственно-правовой идеологии и соответствующие им модели ее институционально-правовой легитимации. С другой стороны, сама государственная власть оказалась не очень-то заинтересованной в окончательном прояснении и онтологизации рассматриваемой концепции, предпочитая использовать ее в политико-правовом технологическом контексте (обеспечение политической преемственности, легитимация дальнейшей централизации власти и «разгром» оппозиции, профилактика «цветных революций», монополизация идеологического дискурса и т.д.) и сохранять возможность для «манипулирования» как можно более широким спектром политических сил.

В завершении параграфа делается вывод о том, что в настоящее время суверенная демократия, несмотря на свою амбивалентность, превратилась в серьезный фактор реальной российской правовой политики и государственного строительства, так как в формат ее обсуждения и интерпретации/реинтерпретации была перенесена вся дискуссия о перспективах развития современной российской государственности.

Во втором параграфе *«Суверенная демократия как политико-правовой конструкт: проблемы определения»* рассматриваются формально-правовые трудности, возникающие при попытке дать адекватную дефиницию рассматриваемого явления, раскрываются альтернативные подходы к его определению в различных политико-правовых контекстах,

устанавливается его юридическая природа применительно к условиям глобализации и постмодерна.

Диссертант отмечает, что термин «суверенная демократия» не является аутентично российским изобретением – в англоязычном лексиконе давно существует калька «sovereign democracy», недавно вновь популяризованная благодаря программному докладу «Европа и мир» (2004) председателя Комиссии Евросоюза Р. Проди. Вместе с тем сходство обоих понятий при буквальном переводе с одного языка на другой не ведет к их обязательной равнозначности. В рамках западноевропейской и особенно англо-саксонской политико-правовой традиции с эпохи Нового времени суверен устойчиво отождествляется с народом, рассматриваемым в государственно-правовом измерении как совокупность институтов и процедур представительной демократии. Таким образом, «sovereign democracy» – это не какая-то особая политико-правовая модель, но типичный политический режим в западной стране. Другим аналогом является концепция «суверенной демократии», выдвинутая в послевоенные годы гоминьдановским правительством Тайваня для описания существовавшей там политико-правовой модели западного образца, независимой от Пекина. В эпоху холодной войны понятие «sovereign democracy» широко использовалось западной пропагандистской машиной для обозначения политических режимов в странах, независимых от СССР, т.е. от «незападного влияния». Сегодня в аналогичном ключе оно применяется к государствам, подвергнутым «демократизации» (например, Грузия и Украина после «цветных революций»). В этом контексте термин «sovereign democracy» использовал, в частности, вице-президент США Д. Чейни в ходе своего выступления на Балтийско-черноморском саммите в Вильнюсе в 2006 году.

Диссертант показывает, что российская политико-правовая модификация суверенной демократии в значительной степени отличается от западных интерпретаций и имеет своим эквивалентом русское словосочетание «самодержавие народа», которое, в свою очередь, происходит от греческого титула византийских императоров «автократор». Ее нормативно-правовой основой является ст. 3 Конституции РФ, в которой говорится,

что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ и что никто не может присваивать власть в Российской Федерации. В этом смысле под суверенной демократией понимается такой тип государственности, который, развивая демократические институты, одновременно отстаивает собственный суверенитет – реальный, фактический, а не декларируемый, формальный. Имплицитно данная трактовка подразумевает существование таких политико-правовых моделей, в которых один из двух элементов – суверенитет либо демократия – отсутствует, и только их сочетание позволяет в максимальной степени юридически обеспечить интересы всего народа.

Детально разбирая формально-правовые аргументы, используемые критиками суверенной демократии в связи с последним утверждением, диссертант дезавуирует их точку зрения, показывая, какие метаморфозы происходят с классической («вестфальской») политико-правовой картиной мира в условиях глобализации и новейших тенденций постмодернистского общества (кризис национальной государственности, мондиализация международных отношений, формирование космополитического права, элиминация государственных суверенитетов и т.д.) Анализ американских и западноевропейских подходов к обеспечению глобальной безопасности, а также борьбе с международным терроризмом позволяет, по мнению диссертанта, доказать жизнеспособность российской модификации суверенной демократии, непротиворечиво объяснить ее юридическую природу, обозначить релевантный политико-правовой тезаурус.

В третьем параграфе *«Суверенная демократия и диктатура в институционально-правовом контексте национально-государственного проектирования»*, основываясь на анализе широкой группы источников, посвященных сценариям практической реализации проекта суверенной демократии в России, диссертант показывает, что авторы подавляющего большинства из них апеллируют к учению о «комиссарской диктатуре» и «чрезвычайном положении» немецкого юриста К. Шмита (1888–1985)

К. Шмитт на основе изучения норм римского публичного права, а также их прямых и латентных рецепций современными европейскими правовыми системами сформулировал представление о диктатуре как о важнейшем государственно-правовом институте, освободив его от каких бы то ни было негативных интерпретаций. В республиканский период истории Рима функции диктаторов выполняли чрезвычайные магистраты – «должность, введенная после изгнания царей для того, чтобы в дни опасности имелаась сильная верховная власть (*imperium*), которая, в отличие от чиновной власти консулов, не ущемлялась бы ни коллегиальностью, ни правом вето народных трибунов, ни апелляцией к народу. Задача диктатора, назначаемого консулом по поручению сената, состоит в том, чтобы устранить ту опасную ситуацию, которая была причиной его назначения»⁴

Как видно, принцип диктатуры основан на том, что административный аппарат любого государства, особенно с развитыми бюрократическими и представительными институтами, ограничен значительным числом «сдержек и противовесов». Такая система придает жизнедеятельности государства устойчивость в «нормальном состоянии», но становится препятствием тогда, когда необходимо справиться с серьезной военной или политической угрозой, провести неотложные реформы, преобразования (вывод страны из кризиса, восстановление территориальной целостности, отражение внешней угрозы, подавление внутреннего мятежа и т.д.). В таких случаях и возникает потребность в экстренном разворачивании «параллельной иерархии», подчиненной только высшей власти, игнорирующей административную инерцию и наделенной чрезвычайными полномочиями. В отличие от «суверенного диктатора», которого К. Шмитт отождествляет с тираном или деспотом, т.е. лицами нелегитимно узурпировавшими высший государственный пост, «диктатор-комиссар» (от лат. «*comissio*» – «поручение») реализует «политическое поручение» всего народа или выдвинувшей его группы, а не свою индивидуальную волю Со-

⁴ Шмитт К. Диктатура СПб, 2005 С 19

ответственно, его легитимность истекает, когда поставленные перед ним цели выполнены и чрезвычайная ситуация преодолена.

Диссертант отмечает, что представителей ведущих политико-идеологических групп современной России (национал-либералов, неоевразийцев, глобалистов), выдвигающих альтернативные модели институционально-правовой легитимации суверенной демократии, тем не менее, объединяет готовность использовать механизмы «комиссарской диктатуры» ради достижения этой цели. Угрозы национальному суверенитету, исходящие как от складывающегося глобального правопорядка в целом, так и от конкретных стран и негосударственных акторов (террористических групп, транснациональных корпораций), а также сложности постсоветского социально-экономического развития образуют ту самую «чрезвычайную ситуацию», которая требует введения «комиссарской диктатуры». Существенное же отличие состоит в интерпретации того, какое еще «поручение», кроме преодоления чрезвычайной ситуации, следует дать «комиссару» от лица всего народа.

Вторая глава «Легитимация российской суверенной демократии: компаративистский анализ основных институционально-правовых моделей», состоящая из трех параграфов, представляет собой проекцию основных теоретико-методологических выводов, сделанных диссертантом в первой части исследования, в практическую плоскость. Она нацелена на идентификацию, описание и сравнение между собой основных конкурирующих институционально-правовых моделей легитимации российской модификации суверенной демократии, спонсируемых различными идеологическими центрами.

Первый параграф *«Гражданское нациестроительство: либерально-правовая модель институционализации»* посвящен характеристике одного из наиболее востребованных нынешним руководством России сценариев институционально-правовой легитимации суверенной демократии, который продвигается в рамках проекта консервативного либерализма (национал-либерализма).

Согласно этой институционально-правовой модели, подлинная суверенная демократия может быть создана только путем построения независимой российской нации, трактуемой в духе политико-правового конструктивизма, т.е. как «воображаемое сообщество» (Б. Андерсон, В. Тишков) индивидуумов, искусственно объединенных гражданскими идеалами и принадлежностью к конкретной государственности. Речь идет о новом поколении либеральных «государств-наций» (*etat-nation*) или «гражданских наций», формирование которых сегодня происходит в бывших странах-империях «многонациональных, часто полирелигиозных, с неразвитыми институтами собственности, в странах, где территориальная целостность и внешняя сила удерживались мощной бюрократической машиной, в нации не нуждающейся».

Западная политико-правовая аксиология в данном случае под сомнение не ставится, в интерпретации В. Суркова российская версия европейской культуры специфична, но она не более специфична, чем германская, французская или британская, тем самым признается безальтернативность развития демократических институтов именно в их либеральной, процедурной и конструктивистской версиях. Между модернизацией и европеизацией российской государственности ставится знак равенства. Проблема состоит лишь в том, как при этом по возможности учесть собственную историческую специфику, а главное – избежать внедрения элементов «внешнего управления» и зависимости от более «передовых демократий» (в первую очередь, США и стран ЕС).

Концептуальным оформлением этой государственно-правовой сверхцели («комиссии») – строительство «гражданской нации» – апологеты национал-либерализма считают так называемый «план Путина». Его реализация как бы поручается от лица всего народа «команде Путина» – ему самому, его преемнику, партии «Единая Россия» («комиссарская диктатура»), что санкционируется в ходе последних российских парламентских и президентских выборов, *de facto* превращенных во всенародный плебисцит. На следующем этапе предполагается легитимировать этот курс путем заключения «общественного договора» между властью и гражданским

обществом, о чем в своей программной речи на втором Гражданском форуме заявил Д. Медведев.

В завершении параграфа диссертант отмечает слабые стороны и внутреннее противоречие национал-либеральной модели институционально-правовой легитимации суверенной демократии. В частности, он обращает внимание на то, что признание и авторизация западных демократических политико-правовых институтов и стандартов автоматически, пусть и имплицитно, встраивает Россию в систему иерархических отношений «ученик–учитель» и препятствует укреплению ее реального суверенитета

Во втором параграфе *«Суверенизация “большого пространства” как институционально-правовое оформление имперского проекта»* автор рассматривает альтернативную модель институционально-правовой легитимации суверенной демократии, претендующую на аутентичность самобытным историческим традициям политико-правового бытия русского и других коренных народов России

Представители нелиберального, консервативно-революционного направления российской политико-правовой мысли (традиционалисты, почвенники, евразийцы, имперские националисты) подключились к обсуждению проекта суверенной демократии на более позднем этапе и попытались реинтерпретировать его в рамках имперско-органицистской парадигмы. Разделяя пафос национал-либералов относительно угроз государственному суверенитету в условиях глобализации и необходимости имплементации «комиссарской диктатуры» для создания внутриполитических инструментов его обеспечения, они категорически отвергли сценарий построения независимого, но либерального по своему существу типа государственности – гражданской нации

В соответствии с их аргументацией, самая большая угроза суверенитету России заключена в перспективе утраты собственной социокультурной идентичности, подмены ценностей национального правосознания и характерных для него органических форм политико-правовой организации общественных отношений заимствованными из-за рубежа шаблонами – спекулятивными институтами представительной демократии,

правового государства, прав человека, гражданского общества и т.д. При этом альтернатива видится не в изоляционизме, к которому тяготеет большинство этнонационалистов и неокommunistов, а в суверенизации определенного сегмента складывающегося глобального сообщества, в пределах которого должен быть утвержден политико-правовой порядок, основанный на самобытных политико-правовых традициях русского и других коренных народов России, и шире – всего евроазиатского пространства, евразийской цивилизации (самодержавие, идеократия, соборность, империя, соучастие, правдоискательство и др.)

Диссертант показывает, что в данном случае основной формой институционально-правовой легитимации суверенной демократии выступает не государство-нация, а империя, интерпретированная применительно к актуальному этапу развития международных отношений как «большое пространство», государство-цивилизация, интеграционное объединение в масштабах, эквивалентных СССР (по типу Европейского Союза). В содержательном плане эта модель, основанная на политико-правовом принципе «модернизация без вестернизации», предполагает реконструкцию православно-византийской политико-правовой традиции, так или иначе всегда детерминировавшей базовые параметры российской государственности, причем как на «белом», так и на «красном», этапах ее существования. Как считают представители консервативно-революционной школы, русскому народу нужно не гражданское общество с его ценностно-нейтральными политико-правовыми практиками, а государство в симфонии с церковью, способное отстаивать высокие идеалы добра в борьбе против сил зла. Как ни архаично выглядит эта картина политико-правовой жизни, она вполне способна конкурировать, с одной стороны, с либеральным мировоззрением, ориентированным на средний класс, конформизм и номократию, а с другой – с проявлениями крайних форм этнорелигиозного экстремизма, ксенофобии и шовинизма. Как следствие, телеология учреждаемой «комиссарской диктатуры» увязывается не столько с вопросами государственно-правового строительства, сколько с постановкой геополитических или даже эсхатологических целей (в частности, православ-

ным учением об «империи-катехоне» либо его секуляризованными трактовками).

В завершении параграфа диссертант отмечает, что имперская модель институционально-правовой легитимации суверенной демократии отличается определенной умозрительностью, а также слабой проработкой конкретных политико-правовых алгоритмов ее институционализации в актуальных российских национально-культурных условиях и всего постсоветского пространства. По мнению автора, это объясняется большей степенью удаленности идеологов консервативно-революционного лагеря от политикоформирующих кругов современной России по сравнению с национал-либералами, глубоко инкорпорированными во властные структуры.

В третьем параграфе *«Демократический транзит политико-правовой десуверенизации национального государства»* диссертант разбирает аргументы критиков российской модификации суверенной демократии, которые с позиций либерального глобализма/космополитизма настаивают на необходимости универсального толкования понятий, образующих данную институционально-правовую модель. По их мнению, она противоречит устоявшимся «международным стандартам» и в реалиях современной России служит лишь одной цели – легитимации правового нигилизма и авторитарной модели управления, сложившейся «в эпоху Путина».

В русле англо-саксонской политико-правовой традиции глобалисты считают, что любая демократия уже является суверенной и, напротив, атрибут суверенности неотъемлемо принадлежит демократии, что вытекает из тезиса о народе-суверене. Однако народ в данном случае трактуется не как органическая общность, наделенная своей исторической миссией (имперская парадигма), и даже не как «воображаемая общность», институционализировавшая свою политическую идентичность в государственности (национал-либеральный подход), но как глобальное сообщество индивидов, планетарное гражданское общество по ту сторону государственных границ. Трансграничное распространение либеральных правовых режимов и сопутствующая этому процессу десуверенизация национальных государств считаются главными средствами достижения глобальной

безопасности и якобы отражают объективную тенденцию к росту взаимозависимости между странами. Эта идеализированная картина нового мирового правопорядка восходит своими корнями к политико-правовому наследию И. Канта, в частности, его учению о «мировой республике».

В рамках данной модели институционально-правовой легитимации суверенной демократии, отождествляемой с западной «sovereign democracy», предполагается провести фактический демонтаж российской государственности (что в свое время предлагали М. Ходорковский и представители «Открытой России»). На ее месте должно возникнуть гражданское общество, сетевым образом интегрированное в международное сообщество, «мировую республику». При этом построение суверенной демократии осмысливается в концептуальных рамках так называемого «демократического транзита» или «волн демократизации» (С. Хантингтон), то есть рецепции политико-правовых стандартов с Запада на Восток. Такая практика, лежащая в основе стратегии глобального доминирования США и их курса на слом вестфальской международно-правовой системы, предполагает «экспорт демократии» в форме готового набора норм и институтов, соответствие либо не соответствие которым выдается за критерий приверженности демократическому пути развития, создает предпосылки для политико-правового и военного ограничения государственного суверенитета (раздел Югославии, вторжение в Ирак, признание независимости Косово и т.д.).

Диссертант обращает внимание на тот факт, что и в глобалистской версии легитимацию суверенной демократии в России ее апологеты планируют осуществлять через механизм «комиссарской диктатуры». Однако теперь она учреждается не от лица российского народа, который в силу «отсталости» и «врожденного комплекса рабства» всячески сопротивляется такой демократизации, а от имени представителей «просвещенного», «прогрессивного» человечества, которые поручают «комиссару» осуществить «демократический транзит» в отдельно взятой стране (либеральная диктатура).

В заключении содержатся основные выводы диссертационного исследования, намечаются перспективы дальнейшей разработки данной темы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1 Матвиенко Я Ю. Суверенная демократия как политико-правовой проект модернизации российской государственности // Материалы диссертационных исследований докторантов, адъюнктов, аспирантов и соискателей. Ростов н/Д. РЮИ МВД России, 2007. – 0,3 п.л

2 Матвиенко Я Ю. Суверенная демократия как политико-правовая категория // Материалы диссертационных исследований докторантов, адъюнктов, аспирантов и соискателей. Ростов н/Д. РЮИ МВД России, 2007. – 0,4 п.л

Статьи, опубликованные в изданиях Перечня ВАК Минобрнауки России:

1 Матвиенко Я Ю. Политико-правовой генезис идеи «суверенной демократии» от государственной легальности к народной легитимности // Юристъ-Правоведъ 2007 № 6 – 0,4 п.л

2 Матвиенко Я Ю. «Суверенная демократия»: амбивалентная дефиниция или понятие из политико-правового тезауруса постмодерна // Философия права. 2008. № 1. – 0,5 п.л.

Формат 60х84/16 Объем 1,5 п л Набор компьютерный
Гарнитура Таймс. Печать ризография Бумага офсетная
Тираж 100 экз Заказ № 367

Отпечатано в отделении оперативной полиграфии ОНИРИО
Ростовского юридического института МВД России
344015, г Ростов-на-Дону, ул Маршала Еременко, 83